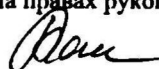

0- 794515

На правах рукописи

Пожидаев Руслан Аамольевич

**ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
С ФОНОВОЙ СЕМАНТИКОЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Уфа – 2012

015409

Работа выполнена на кафедре русского языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Хайруллина Райса Ханифовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Зайнуллина Лилия Маратовна

кандидат филологических наук, доцент
Хазимуллина Елена Евгеньевна

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»

Защита диссертации состоится «15» марта 2012 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.013.02 при Башкирском государственном университете по адресу: 450074, г. Уфа, ул. З. Валиди, 32.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета.

Автореферат разослан «14» февраля 2012 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000793099

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

В.Л. Ибрагимова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

В последние десятилетия антропоцентрический подход занял свое достойное место в лингвистической науке. Учет человеческого фактора в процессе когнитивной деятельности человека и механизм отражения результатов этой деятельности в языковой картине мира во многих случаях становится ключом для объяснения разных языковых явлений, в том числе и путей формирования семантики производного слова. Стремление выявить механизм формирования значения слова в результате познавательной деятельности человека определяется тем, что в последние годы, по мнению А.Е. Кибрика, лингвистика сначала перешла от «что-лингвистики» (описание структур) к «как-лингвистике» (описание процессов), а теперь создает «почему-лингвистику» [Кибрик, 1992:25].

Изучению лексики в лингвокультурологическом аспекте посвящено уже достаточно большое количество научных трудов (Е.М. Верещагин, К.С. Горбачевич, Ю.Н. Караулов, А.А. Брагина, А.Д. Шмелев и др.), а в лингвокультурологической теории словообразования еще много неразработанного. В исследованиях по словообразованию, прежде всего, анализируются структурно-семантические взаимосвязи производящего и его дериватов, когда исходным в формировании семантики производного слова выступает значение производящего. Однако такой подход сужает словообразовательный анализ до языковой семантики лексических единиц, тогда как участие внеязыковых знаний в формировании языкового сознания народа, носителя языка, уже давно не подвергается сомнению. Начиная с 80-х годов, появились исследования, в которых отмечалась значительная роль экстралингвистического фактора во многих языковых процессах (Верещагин, Костомаров: 1980; Телия: 1985; Караулов: 1987; Хайруллина: 1996; Воробьев: 1997 и т.д.). Общая характеристика словообразования с точки зрения лингвокультурологии представлена в трудах И.Г. Милославского, Е.С. Кубряковой, Т.И. Вендиной, С.В. Ивановой, однако до сих пор нет работ, в которых бы комплексно раскрывались словообразовательные процессы с учетом экстралингвистических факторов – это изучение типов словообразовательной мотивации, словообразовательных моделей и словообразовательных гнезд с опорой на внеязыковые знания носителя языка.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного и комплексного исследования языковых единиц с фоновой семантикой как членов словообразовательной парадигмы, что заключается в изучении лексико-семантических и формально-деривационных взаимосвязей слов разных частей речи, а также способов мотивации семантики языковых единиц.

Широкий культурно-исторический контекст изучения процессов формирования семантики производного слова (в частности, отсубстантивных глаголов) позволяет выявить обусловленность словообразовательных феноменов и явлений мировидением народа, ходом его культурно-исторического развития, или их фоновую природу. Изучение семантического пространства

языка как единой онтологической базы развития семантики различных языковых единиц (простых и сложных, однозначных и многозначных слов, фразеологических единиц, дериватов полисемантического слова) дает богатый лингвокультурологический материал для описания межкуровневого взаимодействия единиц языка.

Объектом исследования в данной диссертации являются лексические и фразеологические единицы (далее ФЕ) с фоновой семантикой, обусловленной мировидением русского народа, как исходные единицы в процессе словопроизводства, а также их дериваты.

Предметом исследования выступают структурно-семантические связи производящих с фоновой семантикой и их дериватов в аспекте их лингвокультурологической мотивированности.

Целью диссертационной работы является выявление и лингвокультурологическое исследование деривационного потенциала имен существительных с фоновыми значениями (ФЗ), слов и устойчивых оборотов с фоновой семантикой – лексическим фоном (ЛФ), то есть с семантикой, отражающей особенности мировосприятия русского народа, в современном русском языке.

Цель работы обусловила необходимость решения следующих задач:

1. Определить содержание и источники лексического фона, а также его роль в формировании семантики лексических и фразеологических единиц.

2. Выявить слова и устойчивые обороты, значение которых базируется на фоновой семантике и которые используются в качестве производящей базы в русском языке.

3. Произвести тематическую систематизацию слов и устойчивых оборотов с ФЗ и с ЛФ (зоонимы, фитонимы, имена собственные и т.д.) с целью выявления источников внеязыковых знаний с последующей их лингвистической интерпретацией.

4. Охарактеризовать стилистическую природу слов и устойчивых оборотов с ЛФ и с ФЗ (стилистически нейтральная, общеупотребительная лексика, разговорная, жаргонная, просторечная лексика), участвующих в словообразовании.

5. Охарактеризовать состав и структурно-семантические особенности словообразовательных гнезд дериватов, образованных на базе производящих единиц (слов и устойчивых оборотов) с ЛФ и ФЗ.

6. Описать типы словообразовательных моделей, по которым образуются дериваты на базе ФЗ многозначного существительного и фоновой семантики слов и устойчивых оборотов, с точки зрения их узуального и окказионального словообразовательного значения.

7. Определить деривационный потенциал (типы словообразовательной мотивации, типы моделей, частотность, тематические группы и т.д.) языковых единиц с ФЗ и ЛФ в современном русском языке.

Теоретической базой исследования являются труды российских и зарубежных исследователей по проблемам семасиологии (Д.Н. Шмелев, Ю.С. Степанов, Л.А. Новиков, С. Урманц и др.), дериватологии (А.Н. Тихонов,

И.С. Улукханов, В.В. Лопатин, Е.С. Кубрякова, Е.А. Земская, И.А. Ширшов, Т.И. Вендина, Р.З. Мурясов и др.), лингвокультурологии (В.Н. Телия, В.В. Воробьев, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.А. Маслова, Р.Х. Хайруллина, З.З. Чанышева, С.В. Иванова и др.).

В центре внимания исследования такие научные понятия, как *фоновое значение, потенциальные и коннотативные семы в составе семемы, типы словообразовательной мотивации, семантика производного слова, деривация – формальная и семантическая, деривационный потенциал слова и устойчивой единицы* и некоторые другие.

Под *фоновой семантикой* языковых единиц в работе понимаются актуализированные русским народом знания и представления о реалиях объективной действительности и самом человеке как части мира, закрепленные в языковом сознании носителей русского языка и служащие онтологической и ономазиологической базой для формирования семантики слов и устойчивых оборотов, установления синтагматических и парадигматических отношений между ними.

В работе были использованы следующие лингвистические методы, позволившие поэтапно исследовать особенности русского словообразования сквозь призму национального миропонимания:

1) описательный метод, позволяющий выявить, описать и обобщить структурно-семантическую и тематическую организацию единиц с фоновой семантикой;

2) метод концептуального анализа, состоящий в определении механизма вербализации внеязыковых знаний как онтологической базы формирования лексической и фразеологической семантики;

3) метод тематико-идеографического описания лексики, позволяющий определить сферы, которые способствовали актуализации в языке культурных знаний;

4) метод лингвокультурологического исследования языковых единиц, с помощью которого описывается языковой механизм формирования фоновой семантики у имен существительных и их дериватов;

5) словообразовательный анализ, выявляющий пути формирования семантики производного слова и словообразовательных гнезд исходных имен существительных;

6) статистический метод, определяющий частотность участия различных тематических групп лексики с фоновой семантикой в процессе словопроизводства.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике ставит целью раскрыть механизм формирования и функционирования языка с учетом человеческого фактора. Лингвокультурологический подход к изучению лексической и фразеологической семантики уже получил широкое распространение в науке, тогда как изучение словообразования сквозь призму национального миропонимания до сих пор находится на стадии научного обоснования. Лингвокультурологический анализ словообразовательных понятий,

процессов и явлений позволяет вскрыть национальные особенности словопроизводства, анализировать семантику производного слова с опорой на внеязыковые знания языкового коллектива.

2. Экстралингвистические, или фоновые, знания об окружающем мире, выступающие онтологической и смысловой базой языковых единиц разных уровней, образуют «семантический континуум». В результате реализации этих знаний в семантике языковых единиц – слов, устойчивых выражений, прецедентных имен, текстов и т.д. – формируется лингвокультурологическое поле, анализ которого дает возможность их комплексного, межуровневого исследования и выявления механизма вербализации фоновой семантики в рамках словообразовательных процессов.

3. Культурные знания о мире, интерпретированные языковым сознанием народа, могут получать закрепление в значении слова (производного и непроизводного), фразеологической единицы, но также могут оставаться «за кадром», не получая лексикографического толкования. Однако эти внеязыковые знания мотивируют языковую семантику – опосредованно, вне формальных связей между значениями многозначного слова в процессе семантической деривации и между значениями производящего и производного слов в процессе словопроизводства.

4. Независимо от того, получил ли лексический фон закрепление в семантической структуре слова или нет, языковые единицы с фоновой семантикой имеют определенный деривационный потенциал, на который влияет ряд факторов. К ним относятся актуализация народом, носителем языка, обозначенных данными словами предметов и явлений в национальном мировосприятии (картине мира), культурные традиции речевой коммуникации, частотность и сфера словоупотребления, стилистическая окрашенность данных слов и др.

5. Языковые единицы с фоновой семантикой образуют различное количество дериватов, которые представлены разными типами словообразовательных структур (словообразовательная пара, цепочка, гнездо), объем которых зависит от широты лексического фона, частотности словоупотребления производящего и др.

6. Производные слова, мотивированные языковыми единицами с фоновой семантикой, образуются по узואльным словообразовательным моделям, у которых может развиваться окказиональное словообразовательное значение, что свидетельствует о развитии словообразовательной системы русского языка в контексте антропоцентрической парадигмы лингвистики.

Материалом для исследования послужили 1224 языковые единицы, в том числе 516 лексем и фразеологизмов (из них 337 единиц – слова с фоновыми значениями, 151 единица – слова, окруженные ЛФ, 28 единиц – ФЕ), которые выступают производящей базой для деривации, и 708 дериватов, входящих в словообразовательные гнезда. Кроме того, для выявления окказиональных фоновых значений имен существительных и их глагольных дериватов были проанализированы текстовые фрагменты из печатных изданий,

словарей, энциклопедий, включая Интернет-ресурсы, живой разговорной речи общим объемом – около 1000 фрагментов.

Основными источниками выборки материала послужили толковые словари (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка; Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка (2006); Ожегов С.И. Словарь русского языка (1991); Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка (1998); Словарь русского языка. Т. 1 – 4. М.: Русский язык, 1981 – 1984. (МАС); Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова (1935-1940); фразеологические словари (Фелицына В.П., Мокшенок В.М. Русский фразеологический словарь; Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И. Молоткова (1986), словари аргослэнга (Елистратов В. С. Словарь русского аргослэнга (2000), интернет-словари (Словарь молодежного слэнга <http://teenslang.ru>; Интерактивная энциклопедия современного языка <http://www.jargon.ru>), лингвокультурологические словари (Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь (2004).

Научная новизна работы заключается в разработке лингвокультурологического аспекта изучения словообразования в целом, и вопроса о соотношении в языке семантической и формальной деривации в частности, в описании особенностей формирования семантики производного слова в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах, а также в выявлении роли внеязыковых факторов в формировании деривационного потенциала слова. В диссертации изучены и описаны словообразовательные модели отсубстантивных глаголов, развивающие окказиональные значения, проанализирован механизм вербализации фоновых знаний в рамках словообразовательных процессов. В ходе анализа отфраземного словообразования, во-первых, выявлен деривационный потенциал устойчивых единиц в русском языке, а во-вторых, исследовано лингвокультурологическое поле слов и фразеологизмов с общей фоновой семантикой и проанализированы их межуровневые деривационные связи.

Особенности деривационных процессов языковых единиц с фоновой семантикой до сих пор не были предметом фундаментального исследования.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении фоновой теории в зеркале словообразования, в уточнении ряда теоретических положений дериватологии (в частности, о типологии видов словообразовательной мотивации, о формировании окказиональных словообразовательных значений у узусных словообразовательных моделей), лингвокультурологии (лингвокультурологический аспект исследования словообразовательных процессов в языке).

Практическая значимость диссертационного исследования обусловлена тем, что результаты работы могут быть использованы в лексикографической практике (при составлении лингвокультурологических и словообразовательных словарей), в преподавании русского языка (разделов лексики, фразеологии, словообразования) в школе и вузе, в преподавании рус-

ского языка как в иностранной, так и национальной аудитории на лингвокультурологической основе.

Апробация исследования. Основные результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях аспирантского научного объединения МПГУ (Москва), на расширенных заседаниях кафедры русского языка и общего языкознания БГПУ им. М.Акумлы. Работа прошла апробацию в форме выступлений на международных, всероссийских и региональных научно-теоретических конференциях в вузах Уфы, Москвы, Самары, Майкопа (Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения», Москва, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2009; Научно-практическая конференция молодых ученых, Москва, 2009; Международная научная конференция «Язык – текст – дискурс: традиции и инновации», Самарский государственный университет, 2009; Международная научно-теоретическая конференция «Homo loquens в языке, познании, культуре», Уфа, Башкирский государственный университет, 2010, Международные Акумлинские чтения. БГПУ им. М.Акумлы, 2011). Фрагменты исследования были опубликованы в 10 статьях в межвузовских сборниках научных работ и сборниках материалов международных и всероссийских конференций.

Объем и структура исследования. Работа состоит из введения, двух глав, включающих по два раздела, заключения и списка используемой литературы, списка лексикографических источников, списка иллюстративных источников. Список литературы включает в себя 186 наименований.

СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** дается обоснование актуальности темы исследования, определяются его объект и предмет, указываются теоретическая и практическая значимость работы, а также ее научная новизна, излагаются и обосновываются цель и задачи исследования, излагаются методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава – «Языковые единицы с фоновой семантикой и словообразование» – посвящена теоретическому обоснованию лингвокультурологического аспекта изучения деривационных процессов в русском языке. Здесь также дана общая характеристика строевых языковых единиц – слов и фразеологических единиц (далее – ФЕ) – как исходных элементов словопроизводства в современном русском языке в рамках антропоцентрической парадигмы современной лингвистики. Глава состоит из двух разделов, в которых последовательно раскрываются, во-первых, механизм формирования лексической и фразеологической семантики на базе культурологически значимых

внеязыковых знаний, во-вторых, факторы, влияющие на деривационный потенциал русского слова.

В первом разделе «Лингвокультурологический аспект изучения словообразования» выявляются истоки и современное состояние лингвокультурологических исследований в области словообразования, выдвигаются и теоретически обосновываются проблемы, определяющие особенности формирования значения деривата на базе фоновой семантики слов и устойчивых оборотов.

Культурологический аспект словообразования сегодня находится лишь в стадии разработки. Ученые отмечают наличие национальной специфики у отдельных словообразовательных аффиксов, моделей, но фундаментальных разработок данного вопроса до сих пор нет. Это обусловлено тем что, словообразование является «строительным» уровнем языка и оперирует в основном структурными единицами – морфемами – для создания новых слов. Морфемы, казалось бы, не способны закреплять или отражать лексическую семантику, так как они (особенно служебные) не несут самостоятельных лексических значений, их значения либо лексико-грамматические (словообразовательные), либо грамматические. Экстралингвистические же факторы в первую очередь влияют, по мнению ученых, на формирование лексического значения слова.

На наш взгляд, отсутствие должного внимания со стороны лингвистов к лингвокультурологическому аспекту словообразования неоправданно, так как образование слов также отражает когнитивную деятельность человека, а некоторые словообразовательные элементы закрепляют национально-культурную специфику мировидения народа.

Роль познавательной деятельности человека в формировании словообразовательной системы можно проследить на дериватах одной словообразовательной категории.

Так, в словообразовательную категорию с общим значением «наименование лица по действию» объединяется несколько словообразовательных типов. От глаголов образуются имена существительные с помощью суффиксов *-тель-*, *-чик-*, *-ик-*, *-ец-*, *-ун-* и др. (около 10 суффиксов), но, как показывает анализ семантической структуры производящего глагола и отглагольного существительного, выбор форманта может отражать и понимание онтологической сущности *деятеля*. Например, глагол *играть* имеет более 15 значений. Из них на базе только трех значений образуются имена существительные со значением деятеля - *игрун*, *игрок*, *игрец*. Помимо своего словообразовательного значения, эти суффиксы имеют определенные коннотации, оценку, что является также результатом мыслительной деятельности человека. Об этом говорят дефиниции слов в толковом словаре: суффиксы *-ок-* и *-ец-* можно рассматривать как синонимичные, обозначающие лицо, *знающее*, *умеющее*, *разбирающееся* в выполняемой деятельности, однако суффикс *-ец-* добавляет иногда оттенок «профессионального знания» (ср. *чтец* - актер, профессионально занятый художественным чтением вслух, публичным исполнением литературных произведений;), суффикс же *-ун-* обозначает лицо, лю-

бящее заниматься определенной деятельностью или же лицо, которому выполняемое им действие доставляет удовлетворение, удовольствие или неудовольствие (ср. *болтун, говорун, молчун, певун* – тот, кто *любит*, кому *нравится* болтать, говорить, молчать, петь»). Можно заключить, что формирование семантики дериватов с этими суффиксами обусловлено, во-первых, особенностями семантической структуры производящего, а во-вторых (и это культурологический аспект исследования), особенностями миропонимания говорящего человека.

Базой для словопроизводства в языках выступают, как известно, слова, а словообразование является основным путем пополнения лексического фонда. Наиболее ярко миропонимание *homo lingualis* проявляется на лексическом и фразеологическом уровнях. «Язык насквозь антропоцентричен. Присутствие человека даёт о себе знать на всём пространстве языка, но больше всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» [Арутюнова, 1999:3].

Вопрос о том, как связаны между собой язык и культура, в лингвистической литературе исследуется в разных аспектах. Учеными изучается вопрос о том, *что* является носителем культурной информации в языке (и в языковых единицах в частности) и *как* осуществляется эта связь.

По мнению В.А. Масловой, культурная информация может быть представлена в номинативных единицах языка четырьмя способами: через культурные семы, через культурный фон, через культурные концепты и через культурные коннотации.

Взаимообусловленность языка и национальной культуры может получать выражение, например, в виде «национально-культурного компонента» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), «фоновых знаний» (Ю. А. Сорокин), «семантического континуума» (В.Н. Манакин), «лингвокультурологического поля» (В.В. Воробьев) и др. Однако надо отметить, что данные понятия не противоречат, а взаимодополняют друг друга. Существует терминологическое разнообразие и в номинации той единицы (языкового знака), которая закрепляет культуруносную информацию. Так, В.В. Воробьев предлагает использовать термин «лингвокультурема», под которым понимает совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак [Воробьев: 1997]. В.Н. Телия же считает, что это «культурная коннотация» [Телия: 1995]. Вслед за ней этот термин использует В.А. Маслова, отмечая, что «в коннотации реализуются потенциальные ресурсы номинативной системы языка, ибо коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную языковую картину» [Маслова, 2001: 56]. Свой термин «культурная компонента» предлагает С.В. Иванова, подразумевая под ним «результат сращения языкового и культурного значения» [Иванова, 2002: 26].

Интересной для нашего исследования является континентическая концепция, рассматривающая слово как вместилище культурно-исторической ин-

формации. Теоретические основы данной концепции были разработаны Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым в книге «Лингвострановедческая теория слова» (1980). Согласно теории ученых, содержательный план слова членим и одним лексическим понятием не исчерпывается. Формирование семантики языковых единиц, их функционирование и развитие не в последнюю очередь определяются внеязыковыми знаниями, входящими в языковое сознание народа, носителя языка. Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров называют эти знания «лексическим фоном», а значения, базирующиеся на этом фоне, соответственно фоновыми значениями. За одной и той же лексемой могут стоять разные фоновые знания, обусловленные культурно-историческим развитием общества, мотивирующие разные значения слова (*свинья* – 2. о неблагоприятном человеке; 3. о нечистоплотном человеке, грязнуле).

Фоновой семантикой обладают зоонимы, фитонимы, соматизмы, наименования типичных национальных предметов быта, домашней утвари, а также имена собственные. Эти слова развивают переносные значения на базе лексического фона, под влиянием последнего формируются семантика дериватов этих слов, они входят в состав ФЕ в качестве компонентов.

Р.Х. Хайруллина в работе «О полевой структуре языковых единиц с фоновыми значениями» пишет о том, что, общий «лексический фон» объединяет в одно смысловое поле слова с фоновыми значениями, их производные, фразеологизмы, включающие эти слова в качестве компонентов, пословицы и поговорки, различные клише, крылатые выражения и т.д. [Хайруллина, 1991: 201-203].

Во втором разделе «Деривационный потенциал русского слова» представлен теоретический обзор важнейших понятий дериватологии – понятия словообразовательной мотивации, производящей основы (базы), производного слова, типов словообразовательных моделей. На необходимость специального исследования семантики производного слова указывает Е.С. Кубрякова, объясняя это тем, что «семантические особенности производных слов менее известны, чем их формальные характеристики». Исследователь отмечает также, что в лингвистике нет устоявшегося мнения «на природу мотивированности производного слова, причины его лексикализации или возникновения в смысловой структуре производного слова непредсказуемых, идиоматичных значений и т.п.» [Кубрякова, 1980: 81].

Исследование семантики производных слов позволяет обнаружить глубокие системные связи между однокорневыми словарными единицами, и, следовательно, понять такие важные для речевой деятельности механизмы, как овладение словарем языка и создание новых средств номинации. Анализ семантики производных слов позволяет вскрыть закономерности и правила, стоящие за образованием и функционированием значительной части словарного состава изучаемого языка, а учет роли национального миропонимания и его закрепления в системе словообразования вносит большую ясность в интерпретацию лингвокультурологического поля, в состав которого входят различные языковые единицы.

Имена существительные в русском языке обладают высоким деривационным потенциалом и служат для образования новых слов различных частей речи. Одним из наиболее продуктивных процессов является отсубстантивное глаголообразование. Словообразовательные модели, по которым образуются глаголы на базе имен существительных, разнообразны по форме и содержанию. Их анализ в свете фоновой теории позволяет проследить пути развития словообразовательной системы.

Словообразовательный потенциал русского слова огромен, однако его исследование не должно ограничиваться рамками структурно-семантического анализа связей производящего и его производного. Лингвокультурологический аспект изучения экстралингвистических факторов формирования семантики дериватов языковых единиц с фоновой семантикой становится ключом для толкования многих словообразовательных процессов с учетом человеческого фактора.

Вторая глава – «Лингвокультурологический анализ отсубстантивных глаголов с фоновой семантикой» - содержит комплексный анализ путей формирования семантики производного слова на примере отсубстантивных глаголов. Глава состоит из двух разделов, в которых представлены результаты исследования языковых единиц с фоновой семантикой в качестве производящей базы и описание структурно-семантических особенностей словообразовательных моделей глаголов в рамках антропоцентрической парадигмы.

Первый раздел «Структурно-семантические и лингвокультурологические особенности производящей базы с фоновой семантикой» посвящен исследованию фоновой семантики языковых единиц, источников формирования внеязыковых знаний (лексического фона), представлена тематическая классификация слов с фоновым ЛСВ и слов с ЛФ.

В связи с тем, что мотивация семантики дериватов различается в зависимости от семантической природы производящего (прямая и опосредованная мотивация), в нашей работе вслед за Р.Х. Хайруллиной используются термины «мотиватор значения» и «мотивационная зона» [Хайруллина, 1996: 73-74].

Под **мотиватором значения** в работе понимаются единицы, в семантической структуре которых ЛФ закрепился как самостоятельное значение фонового происхождения. Во-первых, производящей основой в данном случае выступает имя существительное с фоновым значением. Фоновое ЛСВ мотивирует дериваты этого слова.

Например, в семантической структуре многозначного слова – ЛСВ-1 (прямое знач.) – означает животное, а ЛСВ-2 (фоновое знач.) – характеризует человека: 2. *хамелеон* – *«человек, легко меняющий свои взгляды и убеждения в зависимости от обстановки, ситуации»*.

Во-вторых, производящей базой в данном случае может выступать фразеологизм, семантика которого аккумулировала лексический фон одного из его компонентов: *тянуть волынку* - *волынка*. Компонент, окруженный ЛФ

и формально участвующий в словопроизводстве, слово *волынка*. В этом случае мотивация прямая.

Под **мотивационной зоной** мы понимаем сам лексический фон, который окружает слово и входит в языковое сознание носителей языка, но не находит закрепления в семантической структуре слова как самостоятельное значение. Последнее существует в сознании как потенциальное значение, легко комментируется носителями языка и часто реализуется в социально маркированной лексике, например, в жаргонах и просторечии. Ср. окказиональные значения слов *тигр*, *мочалка*, *перец* (о человеке).

Мотиваторы фонового значения деривата, имея разную морфологическую структуру, по-разному участвуют в словообразовательных процессах.

Дадим их лингвокультурологическую характеристику, выявив источники внеязыковых знаний как смысловой базы семантики таких единиц.

1. Мотиваторы фонового значения деривата

1) Слова с ЛСВ фонового происхождения.

Подобные мотиваторы выступают производящей базой для деривата как формально, так и семантически. Лексический фон фиксируется в структуре производящего слова в виде отдельного ЛСВ. А на базе этого значения фонового происхождения и образуются новые слова.

По тематическому принципу эти слова объединяются в следующие шесть тематических групп: 1) зоонимы (*печух*, *лиса*, *медведь*, *обезьяна*, *змея*); 2) фитонимы (*дурман*, *репей*); 3) имена собственные (*Дон Кихот*, *Дон Жуан*); 4) наименования лиц по социальному статусу и профессии (*барин*, *клоун*, *плебей*, *лакей*); 5) соматизмы (*рука*, *мозг*, *уши*, *глаз*), 6) предметы гардероба (*шляпа*, *коляска*, *лапоть*, *карман*).

Как видим, указанные лексемы обозначают актуальные для русского народа реалии мира, которые касаются непосредственно самого человека, окружающей его природы, его социального положения, быта. Культурологически значимые знания об их признаках, строении, функциях, прагматические и эмоциональные их оценки входят в лексический фон, который становится средством актуализации познавательной деятельности человека, его житейского опыта и передается вместе с языком от поколения поколению. Дадим лингвокультурологический анализ некоторых тематических групп.

Например, **имена собственные** развивают фоновое значение, как правило, в контексте произведений устного народного творчества, мифологии, художественной литературы. Зачастую это прецедентные имена. Многие из них аккумулируют в фоновом значении собирательные черты персонажа, которое становится обобщением понимания его образа.

Как отмечают Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, личные имена также могут выражать культурно обусловленную информацию. Например, имя *Иван* символизирует простого, типично русского человека, *Матрена* – простую деревенскую женщину, *Золушка* – неутомимую труженицу, *Митрофанушка* – великовозрастного, глупого лодыря.

Имена собственные, как известно, имеют особую структуру лексического значения. Некоторые ученые отрицают наличие понятийного ядра в их

значении (С. Ульман, Ж. Вандриес, К.А. Левковская и др.), но лексический фон имен собственных оказывается обширным и символическим. Особенность имени собственного заключается в том, что СД фона имени собственного, с одной стороны, относят его к совокупности однородных имен, с другой, придают конкретному имени неповторимый облик, индивидуализируют его.

Имена собственные входят в тексты песен, частушек, они становятся компонентами фразеологизмов (*Ваньку ломать; Как на Маланьину свадьбу; Куда Макар телят не гонял; Кондратий схватил*), пословиц, поговорок и присловий (*Хороша Маша, да не наша; Федот, да не тот; Я ему про Фому, а он про Ерему; Мели Емеля, пока твоя неделя*) – это говорит об их культурной ценности в языковой картине мира. Однако не все имена собственные, развившие переносное фоновое значение, включаются в словообразовательные процессы. В нашем материале это только два имени – *Дон Кихот* и *Дон Жуан*.

Например, имя *Дон-Кихот* в переносном значении – это «фантазер, навязный мечтатель, бесплодно борющийся за нежизненные, неосуществимые идеалы»: *«Есть и донкихоты между нами [артистами]: они хватаются за какую-нибудь невозможную идею, преследуют ее, иногда искренне»* (И. Гончаров, *Обрыв*).

Это имя символизирует благородного и прекрасногодушного человека-мечтателя, стремящегося приносить пользу людям во имя неосуществимых идеалов. Данная языковая символизация вытекает из содержания произведения Сервантеса.

Дон-Кихот – центральный образ романа «Хитроумный гидадьго Дон-Кихот Ламанчский» испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведры. Этот роман, переведенный на все европейские языки, до сих пор является одной из популярнейших книг мировой литературы, а образ Дон Кихота, осознаваемый как типичное проявление человеческой природы, самых высоких порывов души, истолкованный как психологическая категория и введенный в философское понятие – донкихотизм, стал символом такого отношения к жизни и окружающим людям.

Другая тематическая группа, отражающая ценностно-смысловое содержание русской языковой картины мира, – это слова, **обозначающие род деятельности по социальному статусу и профессии.**

Человек – социальное существо, его роль в жизни общества определяется не в последнюю очередь родом занятий, профессией, которая влияет на социальный статус и определенным образом оценивается в обществе. Исторические изменения в жизни общества расставляют приоритеты в этой оценке, что и фиксируется языком. Зачастую положительная или отрицательная оценка, закрепившаяся в фоновом значении слова, является устаревшей, поскольку была обусловлена противостоянием социальных слоев общества в определенную историческую эпоху. Согласно национальным стереотипам, среди профессий всегда выделяются «почетные» и «недостойные». У разных социальных слоев даже в наше время свои приоритеты в выборе рода заня-

тий (ср.: банкир, юрист – рабочий, водитель, секретарь). Важным обстоятельством является учет призмы восприятия того или иного рода занятий: исторически с точки зрения господствующих классов низкий социальный статус у людей из сферы обслуживания, а с точки зрения трудящихся отрицательно оцениваются люди, живущие за счет эксплуатации простых рабочих людей.

В нашем материале эта тематическая группа представлена словами *клоун, холоп, лакей, плебей, фарисей, барин, фокусник и др.*

Например, слово *барин* имеет следующие значения: «1. Помещик, дворянин-землевладелец (дореволюц.). *Купишь дом многоэтажный, схватишь крупный чин и вдруг станешь барин важный, русский дворянин.* Некрасов. || Лицо, принадлежащее к господствующим, эксплуатирующим классам (разг., теперь презрит.). *Стали баре скулить, бар заморских молить: "Ой, верните нам землю и банки".* Д. Бедный. 2. Аристократ по привычкам и манерам (устар.). *Он настоящий барин.* 3. (в знач. мн. употр. господа). Хозяин (по отношению к прислуге; разг. дореволюц.). *Это была хорошо упитанная, избалованная тварь, обожавшая Орлова за то, что он барин и презиравшая меня за то, что я лакей.* Чехов. 4. Лицо, принадлежащее к обеспеченному и образованному слою городского населения, интеллигент (дореволюц. разг. или ирон.). *Одет барином.* || Обращение к лицу интеллигентного вида (простореч. дореволюц.). *Пожалуйте, барин, доведу!* 5. Человек, избегающий грязной работы, белоручка (разг. неодобрит.). *Держит себя барином*» (МАС, 1, с. 62).

Последнее – фоновое значение. Оно аккумулировало отрицательную оценку праздного образа жизни, который вели господа, их безделья.

Эти значения закреплены также и во фразеологизмах, пословицах и поговорках: *Жить барином* (разг.) – жить в довольстве, без забот. *Сидеть барином* (разг. неодобрит.) – ничего не делать, не принимать участия в какой-н. работе. *Не барин (барыня)* – о человеке, который должен выполнить какую-либо работу сам, без чьей-либо помощи. Это слово функционирует в составе прецедентных текстов: «*Вот придет барин, барин нас рассудит...*» (Н.А. Некрасов). Известная народная плясовая – «*Барыня*».

Как видим, лексический фон данного слова, явившийся базой для формирования фонового значения, отражает русский менталитет, особенности русской истории и культуры.

Таким образом, тематическая классификация слов с фоновыми значениями дает возможность описать культурологические сведения о названных ими реалиях.

2. Фразеологизмы как мотиваторы фонового значения деривата.

Как мы уже отмечали, к мотиваторам значения мы относим и фразеологические единицы, в состав которых исходное существительное входит в качестве компонента. У многих слов как самостоятельных лексем и в то же время выступающих как компонент ФЕ общий лексический фон, мотивирующий семантику этих единиц. Интересно развитие значений существительного, ФЕ с данным словом в составе и глагола, образованного от существительного и одновременно аккумулирующего образно-переносное значе-

ние ФЕ. (*тянуть волынку* – *волынка* – *волынить*, *тянуть канитель* – *канитель* – *канительиться*, *собаку съест* – *собака* – *насобачиться*).

Рассмотрим, как формируется лексический фон существительного *волынка* и ФЕ *тянуть волынку*.

В энциклопедическом словаре волынка определяется как «народный духовой инструмент с воздушным резервуаром из телячьей или козьей шкуры. Волынка издает тягучие, монотонные звуки...». Именно из-за этих звуков волынка стала олицетворением медлительности, надоедливости и в языке образовалось слово *волынить*, которое означает «отлынивать от дела, работать кое-как».

В царское время рабочие называли *волынкой* особую форму забастовки: работа не прекращалась, но велась еле-еле, к досаде хозяина. Именно это слово до революции имело и другое значение: шумный общий протест заключенных против незаконных действий тюремных надзирателей.

Как видим, знания о протяжности и монотонности издаваемых этим инструментом звуков послужили опорными семантическими точками для развития как у первоначально свободного словосочетания, так и существительного переносного значения: *волынка* – «2. Прост. Намеренное затягивание какого-л. дела, медлительность в работе; *Тянуть волынку* – «намеренно тянуть, затгивать какое-л. дело, проявлять медлительность в работе».

Например: «– С раствором волынка большая, – сказал он [мастер]. – Приготовлять его здесь на месте – кустарщина. Завод нужен» (Крымов, Инженер). «Я сейчас. Вот только кончу волынку с этим начальником гурта» (Паустовский, Беспокойная юность).

В данном типе мотиваторов значения можно выделить 2 подтипа:

1. Мотиватор с опосредованной мотивацией (*собаку съест* – *собака* – *насобачиться*, *гнуть горб* – *горб* – *горбатиться*), когда в роли семантической базы выступает ФЕ, а существительное выступает в качестве ПЩО только в процессе формальной деривации.

2. Мотиватор с двунаправленной (непосредственной и опосредованной) мотивацией (*тянуть волынку* – *волынка* – *волынить*, *тянуть канитель* – *канитель* – *канительиться*). В данном случае семантика деривата может формироваться как на базе семантики формально мотивирующего его существительного, так и аккумулировать переносно-образное значение ФЕ.

2. Мотивационная зона (лексический фон) как смысловая база фонового значения деривата

Отличительная черта лексических единиц с фоновым окружением заключается в том, что они не закрепляют в своей структуре фоновых переносных значений. Все знания, представления, которые реализуются в их дериватах, находятся лишь в фоновом окружении данных слов. В этом случае только изучение энциклопедической и культурологической информации позволяет выявить механизм формирования семантики дериватов данных единиц. В исследуемом языковом материале выделяется шесть тематических групп: 1) зоонимы; 2) фитонимы; 3) имена собственные; 4) названия быто-

вой утвари, предметов обихода; 5) наименования лица по роду деятельности или социальному статусу; 6) субъекты демонического мира.

Как видим, тематика слов с фоновым окружением отличается от тематической классификации слов с фоновыми значениями. Совпадают 1, 2, 3 и 5 группы. Четвертая и шестая группы слов характеризуют образ жизни и верования русского народа.

Рассмотрим особенности функционирования ЛФ у различающихся по своей тематической классификации слов.

Слова, обозначающие **бытовую утварь, предметы обихода**, фиксируют в языковой картине мира быт, повседневные обычаи, практику использования бытовых предметов. Не всегда в языке и культуре однозначно устанавливаются причины актуализации тех или иных реалий в концептуальной картине мира. Однако можно среди слов данной группы выделить те, которые не только формируют фоновую семантику, но и активно используются в русских пословицах и поговорках (*стакан, мыло, кольцо, решето, подкова*), что, как уже было отмечено, говорит об их концептуальной значимости.

Дадим лингвокультурологическую характеристику некоторых слов.

Например, слово *кольцо* имеет широкий культурный смысл во многих культурах. Согласно христианским догмам, кольцо – символ единства, господства и повиновения. Три соединенных кольца в христианстве выступают символом Троицы.

В восточной культуре, в частности в Китае, метафизическом смысле кольцо является символом бесконечного круговорота. В античной культуре кольцо, браслет, перстень или ожерелье играли роль стабилизаторов, скрепляющих связь между душой и телом. Их носили, чтобы удерживать душу в телесной оболочке, и снимали в момент наступления смерти или совершения мистического обряда.

Кольцо нередко рассматривается как символ власти, происходящий от использования кольца-печатки, известного еще в античной Греции. Оно является также символомверяемой власти, поскольку такое кольцо могло быть передано другому лицу. Символика кольца происходит также из символики крепкого узла, который воздвигает барьер, означает препятствие, зависимость и принуждение. В таком прочтении кольцо символизирует добровольную зависимость и узы супружества. В этом смысле пояс послушника выступает символом его покорности. Кроме того, кольцо символизирует духовный союз, как это имеет место в обряде бракосочетания.

Вместе с тем, кольцо близко по значению магическим кругам, имеющим негативную природу и свойство оказывать пагубное влияние.

Данная культурологическая информация находит художественную интерпретацию, прежде всего, в литературе и искусстве. В обыденном понимании оно выступает символом бракосочетания, поскольку обмен кольцами означает скрепление брачного союза и входит в ритуал бракосочетания. Интересно то, что в семантике деривата закрепились отрицательная коннотация – «вступить в брак против воли, заставить жениться», причем это имеет отношение лишь к лицам мужского пола.

Например: «*Мужика себе найти местного, окрутить его, гада, и окольцевать...*» (С. Кузнецов. Пиво и квас).

Другая группа слов с историческим лексическим фоном – это **наименования субъектов демонического мира**. В русской языковой картине мира нашли отражение языческие и религиозные представления о мире, его обитателях. Их наименования могут развивать фоновую семантику, аккумулируя в своем ЛФ представления о виртуальных существах (*вампир, сатана, бес*).

Например, *вампир* – это один из наиболее популярных символов inferнального мира. Однако следует отметить, что в современном языке его лексический фон сформировался под влиянием современного кинематографа.

Излюбленная мифологема вампирического предания связана с Дракулой, признанным историческим прототипом которого послужил князь Влад Трансильванский. Согласно легендам, сам Влад вкушал хлеб, смоченный кровью, полагая, что таким способом обретет бессмертие. После смерти Влада распространились слухи, что Дракула бродит по Трансильвании и пьет кровь у встретившихся на его пути жертв. Легенды о Дракуле и превратили его в неперенный атрибут неосатанинских мистерий.

Одна из современных интерпретаций происхождения вампиризма обосновывает его как вариативное последствие феномена летаргического сна. В литературоведении изучают «вампирические» мотивы в творчестве Н. В. Гоголя, который всю жизнь боялся быть погребенным в летаргическом состоянии. В русской демонологии считалось, что в вампиров могли превратиться люди, умершие вследствие укуса упыря, погребенные с нарушением канонических предписаний (например, без причастия), самоубийцы, мертворожденные дети. Покойник становился вампиром, если через его тело перепрыгивала кошка. Более опасны энергетические вампиры, умерщвляющие жертву на расстоянии, без фиксируемого укуса. Считается, что вампира можно отличать по клыкообразной форме зубов, заячьей губе, волосам, растущим на ладонях. Классический фенотип вампира – рыжие волосы и голубые глаза. Еще в Древнем Египте хорошо знали, что архаический прообраз Сатаны Сет является рыжеволосым и синеглазым. Как у "святых Бога", так и у "святых дьявола" после смерти останки сохраняются в нетленном состоянии. Погубить вампира можно лишь при помощи осинового кола (в славянской мифологии) и серебряных пуль.

Например: «*Ну, хватит вампирить, я уже просто без сил!*» (из разговорной речи). В данном случае семантика деривата базируется на знаниях о способности вампиров высасывать физические и душевные силы.

Лингвокультурологический анализ показывает, что фоновые значения и сам лексический фон как совокупность внеязыковых знаний о реалиях, названных словами рассмотренных выше тематических групп, намного шире тех сведений, которые легли в основу семантики их дериватов.

В то же время внеязыковые знания всегда стоят «за кадром» в процессе коммуникации, обеспечивая адекватное понимание языковой семантики.

Второй раздел главы «Словообразовательные модели дериватов языковых единиц с фоновой семантикой» посвящен исследованию словообразовательных моделей, по которым образуются дериваты языковых единиц (слов и ФЕ) с фоновой семантикой. Выявление способов их образования, соотношение семантики производящих и дериватов, роль словообразовательных формантов позволили определить тип мотивации, частотность словообразовательных моделей, узальный или окказиональный характер словообразовательного значения.

В процессе исследования нами были выделены 2 способа мотивации на базе производящей основы (ПщО) – мотиваторов:

1. Дериват мотивируется ПщО-существительным формально и семантически.

2. Формально дериват мотивируется ПщО-существительным, семантика же может быть мотивирована либо семантикой самого существительного (если ФЗ закрепилось в структуре слова), либо образно-переносным значением ФЕ, в состав которого входит данное слово.

В случае формирования семантики деривата на базе мотивационной зоны, формально дериват мотивируется ПщО-существительным, а семантика формируется на основе лексического фона слова.

Рассмотрим глагольные дериваты и модели их образования от каждой производящей основы и производящей базы в отдельности.

1. ПщО-существительное в фоновом значении

Дериваты этой группы мотивируются как формально, так и семантически ПщО имен существительных с фоновыми значениями. Как мы уже отмечали, наиболее продуктивными с точки зрения деривационного потенциала являются слова таких тематических групп, как зоонимы, фитонимы и наименования лица по социальному статусу или роду занятий.

Например, *обезьяна* – *обезьяничать*, *петух* – *петушиться*, *ехидна* – *ехидничать*; *дурман* – *дурманить*, *лакей* – *лакейничать*, *холоп* – *холопствовать* и др..

Так, у существительного *холоп* на базе представлений и знаний о называемой реалии, помимо прямого значения (в древней Руси: лицо, находившееся в зависимости по форме близкой к рабству), развивается переносное – «прислужник, приспешник кого-либо». В процессе формальной деривации при помощи суффикса *-ствова-* от существительного образуется глагол *холопствовать* (низкопоклонствовать, раболепствовать), значение которого мотивируется фоновым значением производящего существительного. Существительное выступает в данном случае как производящая основа для деривата в формальном и семантическом плане. Таким же путем образуются следующие глаголы: *гроб* → *гробить*, *балаган* → *балаганить*, *тиран* → *тиранить*, *шакал* → *шакалить*, *колпак* → *колпачить*, *язва* → *язвить*, *ишак* → *ишачить*, *клоун* → *клоуниничать*, *фокусник* → *фокусничать*, *попугай* → *попугайничать*, *обезьяна* → *обезьяничать*, *флюгер* → *флюгерствовать*, *аристократ* → *аристократствовать*, *барин* → *барствовать*, *фарисей* → *фарисействовать*.

Дериваты образуются на базе фонового значения следующими способами:

1) суффиксальным: *гроб* → *гробить*, *балаган* → *балаганить*, *тиран* → *тиранить*, *шакал* → *шакалить*, *колпак* → *колпачить*, *язва* → *язвить*, *ишак* → *ишачить*.

2) префиксально-суффиксальным: *шляпа* → *прошляпать*, *ворона* → *проворонить*, *глаз* → *сглазить*, *лапоть* → *облапошить*.

3) суффиксально-постфиксальным: *петух* → *петушиться*, *баба* → *бабиться*, *бес* → *беситься*, *павлин* → *павлиниться*, *содом* → *содомиться*.

4) префиксально-суффиксально-постфиксальным: *копыто* → *скопытиться*, *мужик* → *омужичиться*.

2. ПшО–существительное с фоновым окружением

Дериваты данной группы семантически мотивируются лексическим фоном, а формально – основой имени существительного. Например, *ёриш* → *ершиться*. Как видим, глагол формально мотивируется существительным *ёриш*, семантика же деривата формируется лексическим фоном данного слова, а не его отдельным значением. Колючие плавники – средство самозащиты. И колючесть, задиристость характера обычно присуща людям самолюбивым, остро воспринимающим отношение окружающих, и такая их реакция является также средством самозащиты. Как видим, обыденные представления о данной рыбе, а также ассоциации, связанные с ней, и послужили основой для формирования значения глагола *ершиться* – «входить в задор, горячиться».

Так же образуются следующие глаголы: *вампир* → *вампитить*, *ворон* → *проворонить*, *крыса* → *закрысить* (в значении «запрятать, украсть»), *песок* → *песочить*, *батрак* → *батрачить*, *цыгане* → *цыганить*, *химия* → *химичить*, *дракон* → *раздраконить*, *Егор* → *объегорить*, *крыло* → *окрылить*, *колено* → *исколесить*, *решето* → *изрешетить* и др.

Глаголы образуются на базе формальной основы слова, но семантически на базе лексического фона следующими способами:

1) суффиксальным: *песок* → *песочить*, *батрак* → *батрачить*, *цыгане* → *цыганить*, *химия* → *химичить*, *жук* → *жучить*;

2) префиксально-суффиксальным: *горох* → *огорошить*, *крыло* → *окрылить*, *корень* → *искоренить*, *карман* → *прикарманить*;

3) суффиксально-постфиксальным: *собака* → *собачиться*, *бык* → *бычиться*, *ёж* → *ёжиться*;

4) Префиксально-суффиксально-постфиксальным: *мыло* → *намылить*ся.

Самой распространенной моделью образования таких дериватов является модель, по которой образуются глаголы с помощью суффикса *-ш-* (*батрачить*, *цыганить*, *песочить*) и модель, по которой глаголы образуются с помощью префиксов *о-*, *об-*, *раз-*, *от-* и суффикса *-и-* (*окрылить*, *объегорить*, *раздраконить*).

3. Производящая база (ПЩБ)-фразеологизм

Как мы уже отмечали, в данной группе мотиваторов можно выделить 2 типа. Формально производные мотивируются основой существительного, семантика же может мотивироваться как исключительно целостным образным значением ФЕ, так и фоновым значением существительного-компонента ФЕ. Например, имя существительное *собака* формально выступает ПЩО для деривата *насобачиться*, но его семантика («приобрести навык, в чем-либо, научиться что-либо делать») мотивируется не значениями существительного, а целостным переносно-образным значением ФЕ *собаку съест*. В семантической структуре существительного *собака* значения «приобрести опыт» отсутствует. Формально производное слово мотивируется существительным и образуется от него с помощью словообразовательных формантов *на-*, *-и-*, *-ся*.

В другом случае, например, *канителить* («делать что-либо медленно, с ненужными проволочками»), дериват формально мотивируется существительным *канитель*. А на его семантику могут влиять как исходное существительное (ср. *канитель* – «длительное с задержками, помехами, однообразное и нудное занятие, дело и т.п.»), так и переносно-образное значение ФЕ *тянуть канитель* – «излишне медленно, нерасчетливо тратить время, делать что-либо».

Отфраземные дериваты образуются следующими способами.:

1. Суффиксальным: *тянуть волюнку* – *волюнить*, *тянуть канитель* – *канителиться*.

2. Суффиксально-постфиксальным: *гнуть горб* – *горбатиться*.

Как следует из проведенного анализа, различия в способах образования дериватов на базе слов с фоновым значением, на базе самого лексического фона, окружающего слово, и на базе ФЕ незначительны. Однако можно отметить, что наиболее продуктивным способом образования дериватов с фоновой семантикой от разных типов ПЩБ является суффиксальный способ.

Как показал анализ, языковые единицы с фоновой семантикой обладают разным деривационным потенциалом. Наибольшей деривационной продуктивностью обладают имена существительные с фоновыми значениями, получившими лексикографическое толкование. Это многие зоонимы, фитонимы, имена собственные: *обезьяна*, *попугай*, *зверь*, *хамелеон*, *дуб*, *Дон Жуан* и т.д. Более низкую деривационную продуктивность имеют имена существительные с фоновым окружением. Однако надо отметить, что, несмотря на относительную малочисленность таких имен существительных, их словообразовательные гнезда могут быть более многоступенчатыми. И, наконец, наиболее низкую деривационную продуктивность имеют фразеологизмы в силу своей семантической двуплановости как особой языковой единицы.

Часть словообразовательных моделей, наряду с общеязыковыми значениями, развивают окказиональные значения. Это происходит, на наш взгляд, в результате расширения коннотативного поля словоупотребления той или иной производящей лексемы. Известно, что в некоторых сферах употребления языковых единиц (в нашем материале – в просторечии, сленгах) одним

из средств экспрессии и выразительности является либо использование слов в несвойственном им значении (в силу воображения, индивидуальности мышления говорящего), либо формирование у них окказиональных значений, обусловленных речевой ситуацией. В то же время нельзя сбрасывать со счетов и реализацию закона языковой экономии: одна и та же словообразовательная модель получает новое значение, которое можно рассматривать в отдельных случаях как окказиональное, в других – как оттенок значения. Данная проблема требует, однако, специального исследования.

Лингвокультурологический аспект изучения словообразовательной системы языка является универсальным и дает возможность выявить национальную специфику словопроизводства с учетом миропонимания народа. Формирование семантики дериватов на базе ЛФ можно изучать и в контрастивном аспекте, поскольку ЛФ отражает особенности национального миропонимания. Как показало даже поверхностное сравнение единиц разных языков, у наименований одних и тех же реалий мира развивается общечеловеческое и национально своеобразное фоновое содержание: *лиса* – «о хитром человеке» в русском, английском, французском, турецком, башкирском и др. языках. Но у слова *индюк* в английском языке развивается фоновое значение «о глупом человеке», а в русском – «о чванливом человеке». Таким образом, можно предположить, что и семантика дериватов слов с фоновыми значениями будет формироваться на базе различающегося в разных языках лексического фона.

В **Заключении** диссертационного исследования представлены общие выводы относительно деривационного потенциала языковых единиц с фоновой семантикой, подтверждающие научную состоятельность лингвокультурологического аспекта изучения словообразования.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК

1. Пожидаев Р.А. Особенности глагольного словообразования на базе фоновой семантики // Искусство и образование, № 7, 2009 – М. с. 184-188.
2. Пожидаев Р.А. Особенности мотивации семантики производного слова с фоновым значением // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение» - Майкоп: изд-во АГУ, 2010. – Вып.3. с.204-208.

Статьи в научных журналах и сборниках

3. Пожидаев Р.А. Семантика слова как отражение опыта познания мира человеком. // Русская филология и ее место в современной культуре: Материалы республиканской студенческой конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007, с.120-123.
4. Пожидаев Р.А. Словообразовательные модели производных с фоновыми значениями // Система непрерывного образования: школа – педколледж – педвуз: материалы региональной научно-практической конференции: Ал-

- рель 2007. Выпуск 9. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2007, с 101-105.
5. Пожидаев Р.А., Р.Х. Хайруллина. Роль экстралингвистических факторов в формировании семантики производного слова // Лингвистический семинар. Материалы международной интернет-конференции, 14-16 октября 2008 года. – Уфа, изд. УГНТУ, 2008, с.178-181.
 6. Пожидаев Р.А. Типы словообразовательной мотивированности // Филологические проекции большого Урала – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008, с.57-58.
 7. Пожидаев Р.А., Р.Х. Хайруллина. Отфраземное словообразование в свете фоновой теории // Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство: материалы международной научной конференции: в 2ч. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2009. Ч.2. с.227-230.
 8. Пожидаев Р.А. Внеязыковые знания как основа формирования лексической семантики в разных языках // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения» - М.: РЕМДЕР, 2009, с. 220-223.
 9. Пожидаев Р.А. О формировании фоновой семантики производного слова // *Noto loquens* в языке, познании и культуре: сборник статей. К 70-летию профессора Р.З. Мурясова. Ч. II. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. с. 276-282.
 10. Пожидаев Р.А. Особенности русского словообразования: культурологический аспект // Исследования по семантике и прагматике языковых единиц. Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. с. 32-36.

10

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 07.02.2012.
Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times.
Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 2,8. Уч.-изд. л. – 2,6.
Тираж 100 экз. Заказ № 695

ИПК БГПУ 450000, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а